

Глава 41. Новый постоялец (1)

Всепоглощающая волна насекомых затопила коридор, устремившись к единственному человеку. Послышался тошнотворный звук грызни.

В следующее мгновение вспыхнуло пламя, и чёрный поток насекомых превратился в обугленные трупики, наполнив коридор зловонием.

Е Шэнъин, вся в мелких ранках, тяжело дыша, стояла посреди огня. Она схватила мэйжэнь гу, пытавшегося вгрызться в рану на её руке, и раздавила его.

Сложив руки, она быстро сплела пальцы в печать.

— Повеление истинным огнём, ци Дао вечна.

Печать была завершена, и огонь возник из ниоткуда.

Это было сверхъестественное искусство Е Шэнъин, основанное на даосских техниках Школы Небесных Наставников. Оно занимало примерно трёхсотое место в общей последовательности и носило общее название «Цзицзи жу люйлин», что означало «Срочно, как по закону!».

Огонь, исходящий от Е Шэнъин, стремительно расширялся, с неумолимой яростью пожирая насекомых гу. Треск стоял невообразимый. Насекомые в панике разбегались, спасаясь по водопроводным и газовым трубам, через щели и по внешним стенам.

Издалека казалось, будто из окон четвёртого этажа вырывается чёрная волна, преследуемая языками пламени, пока те окончательно не поглотили её.

Пламя контролировалось с поразительной точностью: то оно вырывалось широким потоком, то превращалось в огненного дракона, вылетающего из окна в погоню, то обращалось в гибких огненных змей, проникающих в самые труднодоступные места, такие как водопроводные трубы, и уничтожающих всех насекомых дочиства.

Через десять с лишним минут все насекомые гу на четвёртом этаже, включая их яйца, были уничтожены. В почерневших от огня коридорах и комнатах воцарилась мёртвая тишина.

Лицо Е Шэнъин было покрыто потом, она побледнела — явный признак чрезмерного расхода ментальной энергии.

Внезапно она резко повернулась и выстрелила в водопроводную трубу в углу. Посыпались искры, труба разлетелась на куски. Е Шэнъин нанесла ещё один удар, окончательно разбив её, и вытащила оттуда уцелевшее насекомое.

Сами по себе мэйжэнь гу не обладали высокой убойной силой, но эти насекомые были гермафродитами. Даже одна особь могла отложить яйца, которые в течение двух-трёх дней проходили полный цикл от вылупления до линьки.

Их плодовитость была невероятной, за что в мире насекомых гу их прозвали «гу-тараканами». Удивительно, но внешне они тоже походили на тараканов.

Самое примечательное, что все эти насекомые происходили от одной материнской особи. Изображение красавицы на их спинах было унаследовано от матери, а лицо материнской особи, в свою очередь, повторяло лицо её хозяина.

Е Шэнъин сфотографировала лицо на спине насекомого, прежде чем раздавить его. Она заметила, что мышечный шар на третьем этаже стремительно разрастается, пожирая всё живое с нарастающей скоростью, и вот-вот доберётся до четвёртого.

Быстро обыскав четвёртый этаж, она собралась вылезти из окна и перебраться на седьмой. Бросив взгляд вниз, она увидела, как тёмно-красные мышцы, вывалившиеся из окон третьего этажа, напоминают куски постной говядины.

«Надо же, есть захотелось», — подумала она.

Поднявшись на шестой этаж, Е Шэнъин случайно посмотрела вниз и увидела, что мышечный шар со стороны левого окна уменьшился, словно его что-то оттянуло назад.

Это показалось ей странным, но седьмой этаж был уже близко, и она не стала спускаться, чтобы выяснить причину, упустив таким образом возможность обнаружить Ли Чжэньчжуна.

На третьем этаже голова, погребённая в мышечной массе, отчаянно пыталась вырваться. Черты лица исказились от ужаса, рот был широко открыт в беззвучном крике.

В следующее мгновение кусок плоти, к которому крепилась голова, был втянут обратно. Вскоре оттуда донеслись звуки, похожие на звериное чавканье.

Тем временем Лао Сюн, Хуан Цзян и Юй Вэнь, практически разнеся внешнюю стену пятого этажа и уничтожив дюжину людей в белых халатах, окончательно запугали остальных. Выжившие вместе с членами клана Ли тихо переместились в дальний конец этажа.

В то же время Лао Гуй и Сяо Яо оказались заперты на шестом этаже.

Тутэн и Ван Линсянь на втором этаже разделились. Один полез по внешней стене, другой, под пристальным взглядом призрачных теней, вошёл в лифт. Они почти одновременно прибыли на восьмой этаж, едва разминувшись с Ли Чжэньчжуном в другом лифте и Е Шэнъин, которая в этот момент входила на седьмой этаж.

На десятом этаже, в огромной комнате, почти разрубленной надвое гигантской трещиной, сквозь которую проникал кроваво-красный лунный свет, в самом центре, свернувшись калачиком, спала Хо Сяотин.

Справа, перед разбитым панорамным окном, стояла взрослая Ли Маньюнь с красным зонтом в руках. Она безэмоционально смотрела на происходящее внизу. Лунный свет проходил сквозь её тело, словно это была лишь проекция, не имеющая физической оболочки.

Изнаночный мир.

Маленькая Ли Маньюнь и все монстры смотрели, как желтоволосый, словно ни в чём не бывало, вышел из комнаты, подобрал валявшийся в коридоре поварской нож и, отрывая полосу ткани, принялся приматывать его к левой руке, бормоча:

— Я скоро вернусь.

— Твоё время и наше текут по-разному. Ты выйдешь против Ли Чжэньчжуна в его пиковой форме, — сказала маленькая Ли Маньюнь.

Цэнь Цзинь закончил привязывать нож и, удовлетворённо взмахнув им, оставил на стене глубокую царапину.

— Я же сказал, мой босс — бог, — он повернулся к маленькой Ли Маньюнь. — В реальном мире меня знают. Я не хочу, чтобы меня узнали. Поэтому я вытащу Ли Чжэньчжуна сюда и разберусь с ним в изнаночном мире.

Маленькая Ли Маньюнь несколько секунд молчала, затем сказала:

— Я буду готова в любой момент открыть врата изнаночного мира, чтобы перехватить его. И ещё... Сорокадвухрукая Гуаньинь, обладающая тысячью рук и тысячью глаз, рождается сразу как высокоуровневая аномалия с огромным потенциалом для роста, она — кандидат в боги. За десятки лет экспериментов Ли Чжэньчжун освоил операцию по превращению в Гуаньинь. Родственники с похожей генетикой легче приживаются при трансплантации рук и глаз. Ли Чжэньчжун долгое время промывал мозги членам клана Ли «вечной жизнью» и «воскрешением», чтобы вырастить их для самой важной операции. После неё, переродившись из чрева Гуаньинь, он полностью ассимилируется и обретёт способность к самоэволюции, как у аномалий.

Цэнь Цзинь кивнул, показывая, что понял.

— Открывай.

Маленькая Ли Маньюнь растопырила пальцы. Уцелевшие красные зонты в луже крови с шелестом раскрылись, и их чёрные волосы, свисая, образовали стену. Цэнь Цзинь шагнул сквозь неё и оказался у лифта на третьем этаже.

Третий этаж был разгромлен. Едкий запах крови бил в нос. Двери всех комнат были открыты, внутри не было ни одного монстра, лишь кровавое месиво на полу.

В этот момент за противопожарной дверью послышался шорох.

Цэнь Цзинь повернул голову. На фоне алого лунного света его лицо казалось игрой света и тени. В сочетании с его состоянием на грани ментального срыва, он выглядел зловеще и демонически.

Призрачная тень за дверью узнала его по характерной жёлтой шевелюре и в ужасе пролепетала:

— Господин Еюшэнь, Ли Чжэньчжун на пятом этаже.

— О, спасибо.

Цэнь Цзинь направился к лифту, чтобы подняться на пятый этаж.

Призрачная тень за дверью облегчённо выдохнула и поспешила на второй этаж. Спустя четыре месяца господин Еюшэнь всё так же пугал, хотя внешне выглядел совершенно безобидно.

Видимо, дело не в костюме сумасшедшего доктора, а в самом человеке.

Прибыв на пятый этаж, Цэнь Цзинь услышал шаги за углом и голоса. Он узнал Хуан Цзян, Юй Вэня и ещё кого-то незнакомого.

Когда они уже собирались повернуть за угол и столкнуться с ним лицом к лицу, Цэнь Цзинь свернул в другой коридор, разминувшись с ними.

Его обострённые чувства были активированы. Он направился напрямик к тому месту, где в изнаночном мире находилось жилище маленькой Ли Маньюнь. Как и ожидалось, он увидел распахнутые двери, за которыми валялись разорванные тела в белых халатах и изувеченные члены клана Ли.

Едва он добрался до операционного стола, как сзади на него обрушился удар.

Цэнь Цзинь перекатился на другую сторону стола. Раздался глухой стук — несколько

скальпелей вонзились в столешницу. Не успел он твёрдо встать на ноги, как стол разлетелся надвое. Острое лезвие оставило на полу глубокую борозду.

Танский меч, просвистев в воздухе, устремился к его затылку. Цэнь Цзинь, не оборачиваясь, отбил удар. Пробежав несколько шагов, он оттолкнулся от пола, словно на пружинах, и запрыгнул на подоконник. Выпрямив правую руку, он ударил по стене. Вокруг точки соприкосновения лезвия со стеной мгновенно распространился белый туман. Он с невероятной точностью сжал гравитацию в тончайшую плёнку, покрыв ею лезвие и увеличив его вес в сотни раз.

Теперь Цэнь Цзинь держал в руках тесак весом в сотню цзиней, но его рука оставалась неподвижной.

Лезвие покрылось инеем, который, словно от эффекта быстрой заморозки, начал расползаться во все стороны, образуя огромный, впечатляющий круг изморози.

Подняв левую руку, Цэнь Цзинь вонзил поварской нож в стену над окном, повис снаружи и посмотрел на вышедшего из комнаты Ли Чжэньчжуна.

Тот всё ещё выглядел как уродливая версия Сяо Лунжэня, но после операции у него на спине появилось сорок две руки, покрытые чёрной чешуёй. В центре каждой ладони был вшит глаз.

Глаза завертелись и внезапно все уставились на Цэнь Цзиня.

Тело Цэнь Цзиня на мгновение замерло, словно скованное невидимой силой, но он быстро освободился, поняв, что это, скорее всего, была способность сорокадвухрукой Гуаньинь.

Ли Чжэньчжун только что претерпел трансформацию и, похоже, ещё не до конца осознал свои новые возможности. Нельзя было дать ему это понять.

— Эти человеческие букашки, убеждающие себя моралью и этикой, прозябают в своём углу, не пытаясь эволюционировать. Они просто не хотят развиваться. А мы, готовые заплатить любую цену, чтобы приспособиться к естественному отбору, мы лишь следуем законам природы. Почему же они один за другим выступают против меня, осуждают и пытаются остановить?

Направив острие меча на Цэнь Цзиня, Ли Чжэньчжун выплёскивал накопившееся за десять лет недовольство:

— Ведь те немногие сверхъестественные, что знают правду, давно предали человечество, заключив сделки с богами и получив власть, долголетие и богатство. Я лишь делаю то же, что и они. Почему же я — враг человечества?

— Какое мне до этого дело, — раздражённо бросил Цэнь Цзинь.

— Ты такой же, как я, ты должен меня понять!

Этот идиот всё ещё принимал Цэнь Цзиня за аномалию. Не успев полностью ассимилироваться, он уже выбрал сторону, считая людей вредителями на теле Земли. В сети таких называют «отаку».

Цэнь Цзинь не мог поверить, что Ли Чжэньчжун, будучи в таком возрасте, всё ещё придерживается логики классического аниме-злодея. Может, это и есть то самое «мужчины до самой смерти остаются мальчишками»?

— Пф-ф.

Никакого сочувствия, лишь презрение.

Ли Чжэньчжун был для него всего лишь заказом стоимостью в пятьдесят тысяч плюс целое здание.

Профессиональная этика Цэнь Цзиня не позволяла ему провалить сделку. И сейчас этот помешанный на аниме-логике старик пытался посягнуть на его безупречный послужной список. Как наёмный работник мог такое стерпеть?!

Он впился взглядом в красный зонт за спиной Ли Чжэньчжуна и, пока тот разглагольствовал о своих мечтах, резко притянул зонт к себе и схватил его.

— ! — Ли Чжэньчжун оборвал свою речь на полуслове и в следующую секунду взревел от ярости. — Как ты смеешь!

Цэнь Цзинь вытащил тесак и засунул его за пояс. В тот момент, когда Ли Чжэньчжун бросился на него, он резко поджал ноги, оттолкнулся от подоконника и, совершая серию молниеносных прыжков, в каждом из которых он сжимал гравитацию, игнорируя притяжение Земли, с лёгкостью добрался до десятого этажа.

Бам! — раздался глухой удар, когда фигура приземлилась у окна и, не останавливаясь, скрылась внутри, оставив на подоконнике белесый от инея след.

Следом за ним появился окутанный тьмой, ужасающий Ли Чжэньчжун.

Приземлившись, он мгновенно исчез.

На восьмом этаже Ван Линсянь и Тутэн заметили тёмную фигуру и тут же бросились на десятый этаж.

Тем временем Цэнь Цзинь, не сбавляя скорости, перепрыгнул через огромную трещину в полу и резко затормозил, развернувшись лицом к Ли Чжэньчжуну. Он раскрыл красный зонт, и в тот же миг за его спиной появилось ещё с десяток таких же зонтов.

Плотная завеса чёрных волос поглотила Цэнь Цзиня, Ли Чжэньчжуна и ещё одну фигуру, которую никто не заметил. В мгновение ока они бесследно исчезли.

Ван Линсянь и Тутэн, поднявшись на этаж, обнаружили лишь находящуюся без сознания Хо Сяотин.

Маленькая Ли Маньюнь стояла на краю стены из красных зонтов. Как только Ли Чжэньчжун оказался внутри, она быстро свернула зонты и бросилась бежать.

Увидев её, Ли Чжэньчжун, словно кот, заметивший мышь, сменил цель и погнался за ней, но был остановлен Цэнь Цзинем.

— Твой противник — я.

Лицо Ли Чжэньчжуна помрачнело.

— Ты настаиваешь на том, чтобы помогать им? Почему бы тебе не присоединиться ко мне? Мы вместе захватим изнаночный мир, и я сделаю тебя его управляющим.

— Ли Маньюнь сказала, что если я убью тебя, она отдаст мне изнаночный мир целиком, — усмехнулся Цэнь Цзинь. — Предлагать мне всего лишь должность управляющего, чтобы я перешёл на твою сторону... Ты такой скряга, неудивительно, что все твои работники либо сбежали, либо предали тебя, а те, кто ещё в своём уме, хотят тебя убить.

Он швырнул красный зонт обратно Ли Маньюнь и, выхватив тесак, ринулся вперёд, словно пушечное ядро.

— Проклятый капиталист должен висеть на фонарном столбе!

Два тесака против двух танских мечей. Они столкнулись в воздухе, оставляя за собой длинные белые шлейфы пара. Воздух вокруг них заметно искажался, словно от жара. Столкновение породило оглушительный скрежет, от которого все монстры в помещении мучительно зажали уши и припали к ногам Гуаньинь-матери. Маленькая Ли Маньюнь, укрывшись под красным зонтом, защищала Чэнь Цзиньюнь.

Битва Цэнь Цзиня и Ли Чжэньчжуна с самого начала вошла в раскалённую фазу, без пауз и передышек. Их движения были настолько быстры, что сливались в одно размытое пятно, слышен был лишь лязг сталкивающихся клинков. Воздух рассекался с такой скоростью, что повсюду витал белый пар, а пыль и измельчённая штукатурка кружились в безумном танце.

Под кровавой луной битва кипела.

Его разум работал на пределе, вызывая разрывающую боль в мозгу, но эта боль лишь сильнее подстёгивала выработку адреналина. Кровь кипела, превращаясь в белый пар, наполнявший сосуды. Сердце сжималось от возбуждения, а глубоко в генах пробуждались воинственные инстинкты. Цэнь Цзинь, движимый инстинктом, атаковал, не останавливаясь. В его глазах была лишь одна цель: пронзить сердце Ли Чжэньчжуна своим ножом, отрубить его голову тесаком и выставить её на всеобщее обозрение на десятом этаже.

Пусть все видят его конец.

В древности существовал варварский обычай — выставлять отрубленные головы на показ, чтобы вселить страх в сердца врагов.

Гравитационное покрытие на его руках раз за разом разрушалось и мгновенно восстанавливалось. Кости в руках трещали, сломанное ребро отзывалось тупой болью, из носа и ушей хлестала кровь, но Цэнь Цзинь, словно безумный игрок, поставил на кон свою никчёмную жизнь, чтобы защитить свою честь наёмного работника.

Ли Чжэньчжун был потрясён. Всего за четыре месяца этот желтоволосый психопат стал настолько силён!

Но если бы он знал, что для Цэнь Цзиня прошло всего лишь десять с небольшим минут, он бы, вероятно, испытал настоящий ужас.

В глазах Ли Чжэньчжуна горела яростная, звериная жажда убийства. Этого желтоволосого ублюдка нужно было уничтожить!

Он резко отступил, его правая нога глубоко вонзилась в пол, оставляя за собой борозду в четыре-пять сантиметров. Используя силу отдачи, он остановил своё стремительное движение.

Ли Чжэньчжун выпрямился, и его сорок две руки вытянулись вперёд, глаза на ладонях открылись и холодно уставились на Цэнь Цзиня.

Тело Цэнь Цзиня на мгновение замерло, всего на долю секунды, но для мастера этого было достаточно. Ли Чжэньчжун подскочил и вонзил меч ему в плечо, а затем, развернувшись, ударом ноги вышвырнул его из окна.

Теряя сознание от падения с десятого этажа, Цэнь Цзинь не получил ни секунды передышки — Ли Чжэньчжун прыгнул следом.

Увидев это, маленькая Ли Маньюнь метнула в него красный зонт, но после трёх обменов ударами Ли Чжэньчжун схватил её за шею и швырнул назад.

— Твоя очередь придёт, жди.

Сказав это, он бросился в погоню за Цэнь Цзином.

Головокружение от потери высоты и крови было сильным. Перед глазами Цэнь Цзиня маячило искажённое от ярости лицо Ли Чжэньчжунуна и огромная, тёмно-красная луна над головой.

— ...Посягнувший на веру святого, растоптавший его убеждения. Жалкий червь, возомнивший себя царём на божественном алтаре. Дай мне копье, позволь мне сражаться во имя Твоё, дай мне щит, чтобы во имя Твоё защитить себя от посягательств, — прошептал Цэнь Цзинь.

Ли Чжэньчжунуна высоко занёс танский меч, целясь в грудь падающего Цэнь Цзиня. На его лице играла зловещая, жестокая улыбка, но в глазах сквозило лицемерное сострадание, словно он говорил: «Я не хотел убивать своего сородича, но ты не оставил мне выбора».

Не успев полностью ассимилироваться, он уже примерил на себя личину милосердной Гуаньинь, заносщей для удара свой карающий меч.

— Мой бог, спаси меня.

Бум—

Облака в небе разошлись, и в центре огромной кровавой луны из ниоткуда возникла фигура в идеально скроенном костюме. Она стояла в воздухе, взирая на Цэнь Цзиня свысока, словно всемогущее божество, услышавшее мольбы своего верного последователя и явившее чудо.

Цэнь Цзинь и Дин Чжаоцин встретились взглядами. Последний, элегантно ступая по воздуху, спустился вниз. Его манеры, очевидно, были позаимствованы из какого-то фильма. На груди у него висели золотые карманные часы.

В прошлый раз, когда они виделись, часов не было.

Дин Чжаоцин схватил Цэнь Цзиня за плечи, выпрямил его и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Первая обратная покупка, скидка десять процентов.

Цэнь Цзинь, опустив веки, устало произнёс:

— Полцены.

— Восемьдесят пять, — улыбнулся Дин Чжаоцин.

— Последнее слово — семьдесят.

— Последнее слово — восемьдесят.

— Договорились. Что тебе нужно?

Дин Чжаоцин взял его за руку и, словно на деловой встрече, пожал её.

— Эта рука.

— Я так и знал, что ты на моё тело заришься, — понял Цэнь Цзинь и, помолчав, добавил: — Давай договоримся, можно сменить способ призыва?

Каждый раз произносить эти длинные, стыдные признания, да ещё и подбирать слова, декламировать с чувством — для такого апатичного человека, как он, это было настоящей пыткой.

— Нельзя, — отрезал Дин Чжаоцин. Он вправил Цэнь Цзиню руку, достал платок, вытер ему кровь из носа и ласково сказал: — Пойми чувства бога, у которого нет последователей. У других богов в этом мире есть храмы, статуи, толпы верующих, нескончаемые подношения, молитвы и хвалебные гимны. А у меня, нищего, есть только ты. Как же мне тебя не эксплуатировать?

Цэнь Цзинь скривил губы, но матерное слово застряло в горле.

— Успокойся. В начале пути всегда трудно, потом будет легче, — он просунул руку в мозг Цэнь Цзиня, продолжая развивать его способности, и заодно поучал: — В следующий раз не списывай из Библии. Думаешь, я в церкви не бывал? Когда признаёшься, говори с бóльшим чувством, будь более страстным. Я не против, если ты скажешь, что любишь меня до смерти.

— Я люблю тебя до смерти, — покладисто повторил Цэнь Цзинь.

Дин Чжаоцин вынул руку и неторопливо вытер её.

— Не испытывай пределы своих возможностей без надобности. Если бы я пришёл чуть позже, ты бы свёл себя с ума.

Рука Цэнь Цзиня, сжимавшая нож, задрожала. Он то и дело поглядывал на бледную шею Дин Чжаоцина и легкомысленно спросил:

— Ты в прошлый раз не до конца развил мои способности?

Он-то думал, что его мозг уже полностью раскрыт.

Дин Чжаоцин повязал платок на запястье Цэнь Цзиня и улыбнулся.

— Разве когда ты покупаешь демо-версию продукта, тебе дают финальную? Не будь глупцом. Я лишь добавил тебе 3%. На этот раз я развил их до 15%, что соответствует уровню гения мирового класса.

Он наклонил голову, и в его серебристо-белых глазах, в зрачках из вложенных друг в друга чёрных колец, отразился измученный Цэнь Цзинь.

— А стопроцентное развитие мозга — это уже уровень бога.

Цэнь Цзинь, мрачно глядя на платок, подумал, что этот проклятый бог только что вытирал им кровь и руку, побывавшую в его мозгу.

— В качестве подарка за первую обратную покупку.

— Цэнь Цзинь нетерпеливо посмотрел на него.

Дин Чжаоцин лучезарно улыбнулся.

— Совет: пустующий дом без хозяина можно захватить силой, чтобы ресурсы не пропадали зря.

Сказав это, Дин Чжаоцин исчез, и время снова потекло.

Танский меч Ли Чжэньчжуна устремился к Цэнь Цзиню. Острие почти коснулось его зрачка. Цэнь Цзинь резко сузил зрачки, извернулся в воздухе, перепрыгнул на другую сторону и, высоко занеся тесак, обрушил его вниз. Белый туман окутал лезвие, устремившееся к чёрному танскому мечу. Дзынь! — и меч разломился пополам.

Ли Чжэньчжун ещё не успел опомниться от шока, как Цэнь Цзинь, развернувшись, нанёс удар поварским ножом прямо ему в сердце.

Ли Чжэньчжун быстро отступил, сложив несколько из своих сорока двух рук перед грудью, чтобы смягчить удар. Нож лишь раскрошил внешний слой металлического сердца. Ли Чжэньчжун был в ярости и ужасе.

Отбив смертельный удар, Ли Чжэньчжун прыгнул на третий этаж. Обернувшись, он развёл

свои сорок две руки, но не успел найти цель, как перед глазами мелькнул белый свет. Сначала он увидел падающие на пол отрубленные конечности, а затем почувствовал острую боль.

«Как это возможно... такая скорость?»

Цэнь Цзинь, взмахнув ножом, отрубил ещё две руки. Он хотел нанести ещё пару ударов, но Ли Чжэньчжун взревел и, занеся меч, атаковал. Цэнь Цзинь парировал, но это оказался обманный манёвр.

Ли Чжэньчжун поспешно бросился на десятый этаж, преследуемый по пятам желтоволосым психопатом, похожим на злого духа.

Цэнь Цзинь был неумолим. Все призрачные слуги Ли Чжэньчжуна, оставшиеся в изнаночном мире, были уничтожены одним ударом. Он то и дело появлялся из ниоткуда, отрубая Ли Чжэньчжуну руки.

После многочисленных атак сердце Ли Чжэньчжуна уже работало на пределе. Добравшись до десятого этажа, он, спотыкаясь, побежал в комнату, где находилась Гуаньинь-мать.

В тихом коридоре, помимо его собственного учащённого дыхания, слышались неторопливые шаги и тихий шёпот.

Если прислушаться, можно было разобрать слова, похожие на шёпот дьявола:

— На фонарный столб. На фонарный столб.

Ли Чжэньчжун был на грани срыва.

В дверях внезапно появились две фигуры, большая и маленькая. Обе с безразличными лицами, обе с красными зонтами. Увидев их, глаза Ли Чжэньчжуна загорелись. Размахивая оставшимися руками, он разрубил все красные зонты и направил свой меч на ослабевшую Чэнь Цзиньюнь.

Большая и маленькая Ли Маньюнь, увидев это, бросились на помощь матери, попав прямо в ловушку Ли Чжэньчжуна. Он отобрал у них два красных зонта и, воспользовавшись Чэнь Цзиньюнь, тяжело ранил маленькую Ли Маньюнь.

Держа в руках красный зонт, Ли Чжэньчжун посмотрел на желтоволосого психопата у входа и, безумно рассмеявшись, сказал:

— Еюшэнь, ты думал, изнаночный мир полностью под контролем Гуаньинь?

Цэнь Цзинь остановился, заметив на лице маленькой Ли Маньюнь тень вины.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты её обманул, — злобно сказал Ли Чжэньчжун. — Она, получеловек-полудемон, даже меня победить не может. Как она могла создать изнаночный мир?

Цэнь Цзинь только сейчас об этом подумал. Раньше он считал Гуаньинь высокоуровневой аномалией и поэтому был уверен, что она — создательница этого мира.

На самом деле, новорождённая Гуаньинь была получеловеком-полудемоном, а Гуаньинь-мать была далека от уровня высокоуровневой аномалии. Создать изнаночный мир ей было не под силу.

— Это заброшенное царство богини-матери, которое Ли Маньюнь присвоила себе. Проход сюда спрятан в красных зонтах, каждый зонт — это путь. Но теперь остался только один, — усмехнулся Ли Чжэньчжун. — А вы оставайтесь здесь навеки и будьте поглощены им!

Сказав это, он открыл красный зонт и скрылся.

Вырвавшийся на свободу Ли Чжэньчжун безумно расхохотался.

— Я победитель!

Потерял одну Гуаньинь-мать, но есть и другие высокоуровневые аномалии. Он может начать всё сначала. Но на этот раз он будет осторожнее, особенно остерегаясь этого желтоволосого психопата с чистым лицом, но извращённой душой и пролетарскими убеждениями.

Ли Чжэньчжун, держа красный зонт, ковылял по коридору, его безумный смех и проклятия эхом разносились по зданию, пока...

— Ли Чжэньчжун?

Улыбка Ли Чжэньчжуна застыла. Он поднял голову и увидел перед собой фигуру в окровавленном белом халате, с противогазом на лице и топором в руках, с которого капала кровь.

— Еюшэнь! Опять ты!!

Тутэн: ???

Тем временем в изнаночном мире.

Маленькая Ли Маньюнь с виноватым и раскаивающимся видом сказала:

— Прости.

Неожиданно желтоволосый был очень спокоен.

— Проход только один?

— Я знаю только этот.

— Ли Чжэньчжун сказал, что это заброшенное царство богини-матери... что за царство?

— Руины Царства призраков.

<http://bllate.org/book/13658/1589750>